

П. К. БАЛТУН

659078

РУССКИЙ
МУЗЕЙ -
ЭВАКУАЦИЯ,
БЛОКАДА,
ВОССТАНОВЛЕНИЕ

П. К. БАЛТУН

7

Б207

РУССКИЙ
МУЗЕЙ-
ЭВАКУАЦИЯ,
БЛОКАДА,
ВОССТАНОВЛЕНИЕ

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ МУЗЕЙНОГО РАБОТНИКА)

МОСКВА · «ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО» · 1981

Интересна история поступления в Русский музей картины И. Е. Репина «Заседание Государственного совета», много лет находившейся в экспозиции Государственного музея Революции в Ленинграде. Взамен ее для этого музея была написана копия, уменьшенная в два раза против оригинала.

Стало тесно в залах главного здания. Для новых экспозиций искусства конца XIX — начала XX века, прикладного и народного искусства и для устраиваемых выставок стал использоваться переданный музеем корпус Бенуа. Возникла задача достройки этого здания и архитектурно-художественного оформления его интерьеров, а также соединения зданий переходами для непрерывного, последовательного осмотра всех музейных экспозиций.

Тогда намечались два перехода, соединяющие флигель Росси и корпус Бенуа (один — двухэтажный со стороны сада, другой — со стороны Инженерной улицы; переход в нем должен был проходить по второму этажу, а вместо первого предусматривался проезд во внутренний двор). Автором такого проекта был архитектор-художник В. Н. Талепоровский.

Русский музей, один из крупнейших художественных музеев национального русского искусства, с января 1940 года находился в ведении Комитета по делам искусств при СНК РСФСР.

В штате музея было более 300 человек, в их числе 90 научных и научно-технических сотрудников.

Многообразная исследовательская, хранительская, политико-воспитательная и культурно-просветительная работа в области русского дореволюционного и советского искусства составляла основное содержание деятельности музея.

Но созидательная, творчески насыщенная работа в музее была неожиданно прервана...

Война.

День 22 июня 1941 года навсегда останется в памяти советских людей.

Этот яркий, солнечный воскресный день, первый после затяжной холодной весны, многие ленинградцы проводили за городом. Потрясенные сообщением о чудовищных событиях, таких неожиданных, они в переполненных вагонах возвращались в Ленинград. Минувшие заботы, текущие волнения, радости повседневного бытия — все как-то поблекло, уступило место новому, неизвестному, с жестокой неумолимостью вторгшемуся в мирную жизнь. Все спешили... спешили — кто к себе домой, чтобы покончить с какими-то неотложными делами, кто к месту работы; военнообязанные и добровольцы спешили в военкоматы.

К себе, в музей, возвращались те работники, у которых этот день был выходным. Научные сотрудники, технический персонал, рабочие и служащие все без вызова, взволнованные, руководимые чувством долга, собрались в самое короткое время. Ведь каждого из нас волновала судьба музея. Глубокая тревога и сознание необходимости принятия немедленных, срочных мер к обеспечению сохранности огромных ценностей крупнейшей сокровищницы русского искусства владели нашими мыслями. Музей стал объектом обороны. В соответствии с Инструкцией МПВО о военном времени я как руководитель музея в этих условиях стал начальником объекта. Четкость и слаженность команды противовоздушной обороны, состоящей из сотрудников музея, сказались сразу. Все заняли свои места. Личный состав МПВО перешел на казарменное положение. Привели в готовность и бомбоубежище.

Первый день войны сразу же наложил свой суровый отпечаток на жизнь в музее. Его залы, обычно заполненные в воскресные дни многочисленными посетителями, сейчас были безлюдны, в них стало необычайно тихо.

Но между тем в научных кабинетах, хранилищах фондов, в служебных и подсобных помещениях, в рабочих мастерских музея развернулась сосредоточенная деятельность. На случай эвакуации основных коллекций готовилась и оформлялась необходимая документация, а также велась та сложная и кропотливая, состоящая из тысячи разных мелочей работа, без которой немислима консервация огромного хранилища.

Естественно, всех нас волновала одна мысль: как сохранить в условиях военного времени экспонаты музея, как уберечь их от огня, возможных бомбежек, сырости и других неожиданностей.

До получения особых указаний об эвакуации (а в этот день музей еще был открыт для посетителей) мною было дано распоряжение закрыть большие, так называемые академические залы и начать подготовку к укрытию и эвакуации находящихся в них больших экспонатов. К работе приступили немедленно. Под руководством и при непосредственном участии научных сотрудников и реставраторов десятки рабочих снимали со стен и вынимали из рам огромные картины Брюллова, Бруни, Угрюмова и другие, размещенные в этих залах.

Прошел первый день. Отсутствие указаний о проведении эвакуации ограничивало наши действия. Утром на следующий день начальник Управления культуры Ленинграда (он же уполномоченный Комитета по делам искусств при СНК СССР) Борис Иванович Загурский, директор Государственного Эрмитажа Иосиф Абгаро-

вич Орбели и я выехали в Смольный. Здесь нам предложено до объявления эвакуации принять меры к обеспечению сохранности ценностей музея, что послужило нам основанием наряду с консервацией музея проводить подготовку предназначенной к эвакуации первоочередной части его коллекций.

Сразу же по возвращении из Смольного было проведено совещание заведующих отделами совместно с руководителями партийной и профсоюзной организаций; на нем мы обсудили планы осуществления этих мероприятий. Каждый заведующий отделом по разработанному плану должен был распределить обязанности между всеми работниками своих отделов.

Так начался новый исторический этап в жизни Русского музея. Коллектив сотрудников, сплоченный нерушимым единством, приступил к сложной и трудоемкой работе. Предстояло свернуть экспозиции в главном дворцовом здании и его флигеле, а также в выставочном корпусе Бenuа.

Все картины, скульптуру и другие произведения из этих зданий, а также из запасников, расположенных в антресолях и верхнем этаже главного здания, надлежало переместить в его нижние помещения и под фундаментальные своды подвалов.

Особое место занимала работа по подготовке к эвакуации основных коллекций, условно называемых «первой категорией», с тем чтобы по получении приказа об эвакуации обеспечить в минимально короткие сроки их вывоз. Как показали быстро разворачивающиеся события, все это было предусмотрено своевременно. Когда поступило такое распоряжение и для проведения эвакуации приехали представители из Москвы (к нам прибыл заместитель председателя Комитета по делам искусств при СНК РСФСР Алексей Георгиевич Глина), подготовка к ней у нас уже шла полным ходом.

Никто тогда еще не думал, что враг так скоро окажется на подступах к Ленинграду и охватит его железным кольцом блокады, подвергнет непрерывным бомбежкам, а фашистская артиллерия с беспощадным педантизмом, ежедневно и систематически, будет обстреливать из крупнокалиберных орудий мирные дома, школы, памятники культуры и музеи Ленинграда.

Намеченный план сложной, многообразной и ответственной работы по консервации музея требовал строгой координации и четкого взаимодействия всех его научных и хозяйственных отделов, четкого распределения труда между всеми без исключения работниками музея.

Надо сказать, что знание музейного дела, практический опыт научных сотрудников и технического персонала, помноженные на беспредельную преданность и любовь их к музею, помогали преодолевать трудности и выполнять задания, казалось бы невозможные в условиях начавшейся войны. Каждый работал с исключительным подъемом, с полной отдачей сил. Июнь с его белыми ночами позволял трудиться почти круглые сутки. И только необходимость хотя бы небольшого отдыха прерывала напряженный труд. Спали очень немного тут же в служебных помещениях.

К этому следует добавить, что наша деятельность была осложнена тем, что многие сотрудники, занимавшие самостоятельные участки работы в отделах музея, ушли в ряды Красной Армии и народного ополчения. Среди них были Алексей Александрович Матвеев, Николай Николаевич Новоуспенский, Яков Давыдович Лещинский, Иван Андреевич Острцов, Станислав Маркович Земцов, Михаил Николаевич Марков, Сергей Романович Гинак, Владимир Юлианович Ждан, Феликс Константинович Мишин, Наталья Васильевна Петошина и другие. Ушедших надо было подменить, что называется, на ходу. Кроме того, уход многих мужчин в ар-

мию переложил всю тяжесть работы на оставшийся, преимущественно женский коллектив.

О масштабах работы можно судить по некоторым цифрам. Только живописных произведений было снято со стен, вынута из рам, перемещено в новые места хранения и подготовлено к эвакуации свыше семи с половиной тысяч. А ведь эту работу, несмотря на всю ее спешность, следовало производить со всей осторожностью и исключительным вниманием. Сохранность вещей надлежало полностью обеспечить, и повреждение их какими-либо обстоятельствами не могло быть оправдано.

Для того чтобы снять со стен такие огромные полотна, как «Последний день Помпеи» Брюллова, «Медный змий» Бруни, требовались усилия нескольких десятков людей, а насчитывалось таких колоссов свыше шестидесяти.

Эту сложную работу проводили под руководством опытных реставраторов квалифицированные музейные рабочие и их добровольные помощники. Многие еще помнят Архипа Филипповича Новомлинского, одного из старейших и опытных рабочих музея, который с удивительной сноровкой, бережно и осторожно обращался с вещами, умело руководил своими помощниками, добровольцами-студентами и художниками, подчас неопытными, но успешно благодаря ему справлявшимися с порученным делом.

Все эти картины надлежало освободить от рам и спрятать с подрамников. Трудно, не видя, представить весь этот сложный процесс работы! Огромные холсты, в 20, 40, 60 квадратных метров каждый, следовало осторожно накатать, без единой морщинки, без малейшего повреждения пересохшего или пастоно написанного красочного слоя, на специальные валы.)

Еще в мирное время после тщательного изучения определили размеры и диаметры валов. Учитывались

физическое состояние картин, для которых они предназначались, красочный слой, техника живописи. Часть валов небольшого размера изготовили тогда же, а крупные делались в первые дни войны. Они достигали длины до 10 метров, а диаметр каждого колебался от 60 до 120 сантиметров. Все валы изготавливались из фанеры на деревянном каркасе. Поверхность их, безукоризненно гладкая, без всяких неровностей, обтягивалась еше искусственной замшей. Чтобы валы не касались пола, они с торцов заканчивались деревянными колесами. И вот на эту огромную катушку накатывалось по несколько картин. Между ними прокладывалась плотная бумага, кромки холстов по мере накатки сшивались между собой. Места на полотнах, угрожающие осыпями, закреплялись и клеивались тонкой папиросной бумагой осетровым клеем. Затем валы с картинами, тщательно запеленутые сверху чистыми холстами, вкатывались в ящики. Эти ящики, учитывая их громоздкость, делались для облегчения не из досок, а из утолщенной фанеры на деревянных рамах. В ящиках валы наглухо закреплялись. Весь этот комплекс работ выполнялся с особой тщательностью. Притом учитывались не только необходимость перевозки ценного груза в разных, возможно, неблагоприятных условиях, но и сохранность произведений, накатанных на валы, даже при длительном хранении в свернутом состоянии. Все принятые меры себя оправдали. Свидетельство тому — полная сохранность картин, находившихся долгое время на валах в условиях эвакуации, а также и тех, которые хранились в блокадном Ленинграде.

Огромные ящики с картинами, предназначенными к эвакуации, по своим размерам превосходили двери товарных вагонов, поэтому для транспортировки предусматривалась их погрузка на железнодорожные платформы. На случай ненастной погоды все ящики с вала-

ми, установленные на железнодорожные платформы, были плотно укрыты сшитыми для этой цели огромными брезентами.

Как правило, картины больших размеров, если только позволяли габариты вагонов, мы избегали накатывать на валы, а упаковывали их, подбирая по размерам по нескольку штук, в плоские ящики, удобные для переноски и погрузки. Небольшие картины помещались в ящики в большем количестве. Все картины аккуратно устанавливались, прокладывались бумагой, роликами из мягких материалов и плотно закреплялись в пазах ящичков. Особенное внимание обращалось на то, чтобы упаковочные материалы были совершенно сухими.

С такой же тщательностью запаковывали и другие экспонаты: памятники древнерусского искусства, скульптуру, фарфор, стекло, шпалеры, ткани, произведения графики.

Размеры и форма ящичков находились в прямой зависимости от предметов, которые в них укладывались. Каждый из них предназначался для определенной группы экспонатов или отдельного произведения. Музей располагал некоторым количеством ранее заготовленных ящичков, но большая часть их изготавливалась в эти напряженные дни группой столяров и плотников музея и мастеров из ленинградских театров. Чтобы уложиться в намеченные сроки, необходим был самый тесный контакт технических сотрудников с научным коллективом, производившим упаковку.

Много труда и усилий приложили научные сотрудники Любовь Федоровна Галич и Дора Моисеевна Мигдал вместе с заведующим отделом Алексеем Николаевичем Савиновым для осуществления консервации и подготовки к эвакуации произведений живописи. Велика была роль главного реставратора Тимофея Ивановича Деца, непосредственно занимавшегося со своими помощника-

ми укладкой и упаковкой живописных полотен. Внешне всегда спокойный и даже несколько медлительный, он удивительно быстро проводил эту сложную работу, требующую исключительной аккуратности и знаний. Все выполнялось четко, без суеты и волнений, казалось бы, возможных при напряженной обстановке.

Трудоемкими были подготовка к эвакуации и перемещение в наиболее безопасные места многочисленной скульптуры. Разнообразие материалов, в которых были выполнены эти произведения (мрамор, бронза, гипс, дерево), разные размеры и различный вес требовали очень осторожного обращения и в то же время больших физических усилий многих людей для переноски скульптуры на значительное расстояние и передвижения ее по узким лестничным ступенькам в подвальные помещения главного здания. В число скульптур, включенных в «первую категорию», вошли многие уникальные произведения, и в первую очередь знаменитые портретные бюсты Ф. И. Шубина.

Некоторые тяжеловесные мраморные и бронзовые скульптуры, входившие в «первую категорию», пришлось из-за нетранспортабельности укрыть в подвальных помещениях.

Особая судьба ждала «Анну Иоанновну с арапчонком» — знаменитое произведение скульптора К. Б. Растрелли; огромная и громоздкая скульптура могла быть только спущена со второго этажа главного здания по широким маршам парадной лестницы. Нечего было и думать передвигать ее по сравнительно узким служебным переходам и лестницам, ведущим в подвальные помещения. И здесь нашлось новое решение: укрыть «Анну Иоанновну» в земле.

В центре площадки перед садовым фасадом главного здания был вырыт глубокий котлован. В него была опущена фигура Анны Иоанновны, тщательно смазан-

ная тавотом и плотно упакованная в рубероид. На месте ее укрытия была разбита клумба, вскоре густо покрывшаяся цветами.

Такая же примерно судьба ждала и конную статую Александра III. В 1937 году, при реконструкции площади Восстания, памятник Александру III был снят и вывезен на склад, находившийся на Лиговской улице. В целях сохранения выдающегося произведения, созданного П. П. Трубецким, конная статуя была взята на хранение Русским музеем.

Однажды летней белой ночью 1939 года по Лиговской улице, затем по Невскому проспекту проследовал странный кортеж: несколько сильных першеронов на деревянных полозьях тащили конную статую царя. Монумент был завезен в Михайловский сад и оставлен лежать на площадке перед фасадом флигеля Росси. В дальнейшем предполагалось скульптуру на низком постаменте поставить здесь или в одном из внутренних дворов¹.

На этой площадке лежавшую на полозьях статую застала война. Для сохранности ее решили укрыть в земле. Вырыли для этого котлован, но... многотонный монумент оказался нам не под силу — его не смогли опустить вниз. Приняли другое решение: засыпать песком и землей. На Мойку, поближе к месту укрытия, подвели две барки с песком. Им засыпали монумент и сверху укрыли его накатом из бревен. Все это сооружение утрамбовали землей, а образовавшийся холм засе-

¹ Уместно вспомнить, что часть скульптурных деталей разобранных Московских ворот, хранившихся на том же складе, тогда же была вывезена в Русский музей, где и находилась в его подвальных помещениях до тех пор, пока не заняла свои места в восстановленных после войны Московских триумфальных воротах на Московском проспекте.

яли для маскировки овсом... Вскоды его вскоре покрыли этот курган яркой зеленью.

Дальнейшие события показали, насколько правильно было сделано укрытие. 17 октября 1941 года, в те дни, когда враг рвался к Ленинграду и массированными налетами авиации бомбил город, одна из фугасных бомб попала в этот холм, повредила насыпь, разметала часть настила из бревен. Хотя голова и верхняя часть фигуры обнажились, скульптура оказалась неповрежденной.

Сложная судьба была у композиции «Октябрьская революция» скульптора А. Т. Матвеева. После юбилейной выставки в 1927 году она, отлитая в гипсе, зимовала, медленно разрушаясь, в Москве, в саду «Эрмитаж», а затем за оградой Музея Революции. Русский музей, получив эту скульптуру, реставрировал ее и принял решение (еще перед войной) перевести ее в бронзу. Для отливки этой сложной модели пригласили известного мастера-литейщика Карла Ивановича Миглиника. Скульптуру перевезли в литейную мастерскую Академии художеств. Задержка с получением бронзы заставила приостановить работы.

...Началась война. Во время одного из воздушных налетов от взрывной волны обрушилась кровля мастерской, но удачно укрыла скульптуру, которая уцелела под ней¹.

Сейчас, спустя многие годы, вспоминается неопределенная роль заведующего отделом скульптуры Григория Макаровича Преснова в деле сохранения произведений монументальной и станковой пластики. Крупный спе-

¹ Группа «Октябрьская революция» была отлита в бронзе в 1958 году и находится в экспозиции отдела советского искусства Русского музея. Другой бронзовый экземпляр установлен перед зданием концертного зала «Октябрьский» в Ленинграде.

циалист и знаток скульптуры, он был душой всей производимой работы. Полный энергии, он всегда оказывался там, где требовалось его компетентное мнение или указание. Нередко можно было видеть, как Григорий Макарович, отличавшийся физической силой, один переносил тяжелый мраморный или бронзовый бюст или передвигал скульптуру. Его ближайшие помощники и товарищи по работе — научные сотрудники Всеволод Николаевич Петров, Александр Николаевич Столяров и реставратор-скульптор Вера Васильевна Гущина непосредственно занимались сложным комплексом работ по упаковке, передвижению и переноске хрупких предметов.

К их чести, а также к чести всех тех, кто им помогал, небывалая по масштабам и необычная по условиям работа выполнялась без каких-либо поломок и повреждений, даже самых незначительных.

II

Русский музей — хранилище многообразных и разнохарактерных художественных ценностей. Живопись и скульптура; памятники древнерусского искусства; графика — рисунки, акварели, гравюры; предметы прикладного искусства — фарфор и стекло, мебель, шпалеры и ткани. Все это требовало к себе особого в каждом отдельном случае отношения, специальных знаний и опыта. А если учесть уникальность экспонатов, станет понятной та тревога за их сохранность, которую испытывали сотрудники музея, разрешая проблемы их укрытия в наиболее защищенных местах главного здания, а также производя упаковку произведений, предназначенных для эвакуации.

Выделение в особую группу наиболее значительных памятников русской художественной культуры было произведено специалистами музея и Комитета по делам искусств при СНК СССР еще в довоенное время. Таким образом сложилась «первая категория», подлежащая эвакуации в первую очередь.

В «первую категорию» наряду с живописью, скульптурой и графикой входили предметы прикладного искусства. Их нужно было тщательно уложить, предусмотреть сохранность в разных условиях, уберечь от возможной сырости, плесени, моли и пр. всю необходимую работу выполняли научные и технические сотрудники отдела прикладного искусства. Следует назвать имена Тамары Николаевны Кречетовой, Марии Георгиевны Слонимской и Надежды Михайловны Петровой, которые, работая в буквальном смысле слова не разгибая спины, успешно подготовили своевременную эвакуацию экспонатов и обеспечили надлежащее хранение коллекций, остающихся в музее. Сплоченность и организованность в работе, четкость явились результатом умелого руководства заведующего отделом Бориса Николаевича Эмме. Прекрасный знаток прикладного искусства, исключительно преданный любимому делу, нетерпимый к проявлению равнодушия, он сумел сплотить коллектив сотрудников, прекрасно знающих материал и любящих свою работу.

С таким же напряжением работали под руководством заведующего отделом графики Петра Евгеньевича Корнилова заведующие секциями Константин Евтихевич Костенко и Татьяна Алексеевна Дядьковская, научные сотрудники Наталья Васильевна Петошина, Екатерина Петровна Старосельская. Огромное собрание, насчитывающее свыше 150 тысяч названий, нужно было разобрать, выделить подлежащие эвакуации листы акварелей, рисунков, альбомы, затем упаковать их в ящи-

ки. Остающееся собрание следовало классифицировать и рассредоточить по местам хранения. Как и во всех других отделах, надлежало также наладить учет, что при таком количестве материалов требовало исключительного внимания.

Большую трудность представляли консервация и подготовка к эвакуации памятников древнерусского искусства. Этим занимались научные сотрудники музея Евгения Ивановна Кутилова, Валентина Васильевна Алексеева.

Иконы, написанные по левкасу на деревянных досках, шитье и ткани, предназначенные к эвакуации, следовало упаковать по роду материалов и с особой осторожностью. И здесь принимались профилактические меры: производилась заклейка икон во избежание осыпей красочного слоя, ткани обрабатывались формалином. Тяжелые иконы упаковывались только по две-три (их разделяли мягкие прокладки), затем они прочно закреплялись в ящиках. Трудно переоценить роль реставраторов Николая Васильевича Сосина и Никиты Егоровича Давыдова — специалистов по древнерусской живописи. Возглавлял всю сложную работу заведующий отделом древнерусского искусства Юрий Николаевич Дмитриев.

Свертывание музейных экспозиций, перемещение экспонатов, подготовка к эвакуации обеспечивались четким взаимодействием всех отделов музея — как научных, так и административно-хозяйственных, точным распределением обязанностей между ними. Осуществление этих мероприятий сопровождалось сложным учетом вещей и организацией их охраны.

На помощь научным сотрудникам, техническому персоналу, рабочим пришли ленинградцы. Без их участия, только своими силами, коллектив музея не мог бы справиться со всем объемом разнообразной и трудоемкой

работы. В числе их были многие ленинградские художники; с благодарностью надо вспомнить имена товарищей Богдановой, Рончевской, Рыбкина, Мещерякова, Цепалина и других. Ежедневно вместе с нами трудились студенты ленинградских вузов.

Беззаветный труд ленинградцев-добровольцев, работавших бок о бок с сотрудниками музея, позволил обеспечить выполнение титанической по объему работы.

Тишину первых часов войны, наступившую в залах музея, сменила кипучая деятельность многих людей. Работа по консервации музея и подготовке к эвакуации шла в соответствии с планами, утвержденными руководством музея. Все, что делалось, подчинялось определенному, строго разграниченному порядку. При содействии добровольных помощников переносились, передвигались в определенные места экспонаты, упаковывались в ящики.

Одновременно шла трудоемкая работа по защите зданий от возможных пожаров. Освобождались от деревянных щитов, стеллажей помещения запасников на третьем этаже и в антресолях главного здания; от разных предметов и вещей — чердачные помещения всех зданий. Деревянные перекрытия (в первую очередь главного здания) покрывались огнестойким суперфосфатом. Стекла огромных окон проклеивались бумажными полосами. С помощью населения разгружались на Мойке баржи с песком, который затем на тачках перевозился на территорию музея. Работники пожарно-сторожевой охраны на чердаках, антресолях, в залах и других помещениях устанавливали ящики с песком, бочки с водой, огнетушители и другие средства противопожарной защиты.

Десятки плотников и столяров не покладая рук готовили ящики и валы для упаковки экспонатов. Причем нужно было не только изготовить их в самые короткие

сроки, которые исчислялись часами, но они должны были по своим размерам и объемам точно соответствовать требованиям хранителей и реставраторов. Нечего и говорить, что ящики делались только из сухого материала, так как от этого зависела сохранность экспонатов. Сухими были и упаковочные материалы: стружки, вата, бумага, прокладки и т. п. Необходимое количество этих материалов как неприкосновенный фонд хранилось в музее.

Изготовлением эвакуационных ящиков, а также противопожарного оборудования занимался техник музея Владимир Николаевич Масленников. Он начал свою работу в музее еще до революции с мальчика-подмастерья, а с годами стал квалифицированным техником-строителем. Преданный делу, знающий каждый уголок всех зданий, очень подвижный, хлопотливый и энергичный, он всегда как-то ко времени оказывался там, где был необходим, успевал одновременно выполнять самые различные поручения. Благодаря ему все делалось своевременно для бесперебойной работы научных отделов и подготовки зданий в соответствии с требованиями военного времени.

В обеспечении организованной и слаженной работы по консервации немалая роль принадлежала главному хранителю музея профессору Мстиславу Владимировичу Фармаковскому. Спокойный, всегда подтянутый, он, несмотря на свой солидный возраст, казалось, не чувствовал усталости и своевременно принимал участие в решении самых насущных вопросов. А их было так много. И прежде всего — точный учет движения экспонатов, начиная от огромных картин и тяжелых скульптур до миниатюр, до мельчайших предметов прикладного искусства — изделий из золота, фарфора, стекла. Все полагалось внести в соответствующие акты.

В первую очередь вывозились ценности, составляющие гордость и славу русского искусства, определяющие лицо Русского музея как крупнейшего хранилища национальной художественной культуры.

В состав эвакуируемых коллекций вошли редчайшие памятники древнерусского искусства XII—XVII веков. В их числе — икона «Ангел с золотыми волосами», иконы Рублева, произведения мастеров художественных школ Москвы, Новгорода, Владимира, Суздаля, Твери и других, произведения Симона Ушакова и т. д. Среди произведений русской живописи XVIII—XX веков были картины Аргунова, Угрюмова, Рокотова, Левицкого, Боровиковского, Лосенко, Бруни (включая «Медный змий»), Брюллова (в том числе «Последний день Помпеи»), Рейна (среди которых «Запорожский», «Бурлаки», «Заседание Государственного совета»), Сурикова (среди них «Взятие снежного городка», «Покорение Сибири Ермаком», «Переход Суворова через Альпы», «Степан Разин»). Эвакуировались широко известные произведения Венецианова, Иванова, Верещагина, Поленова, Васнецова, Крамского, Шишкина, Левитана, Серова, Врубеля и многих, многих других выдающихся русских художников. Подготовили к эвакуации и многие уникальные скульптуры. Вывозились редчайшие произведения графики, предметы прикладного искусства.

Именно с этими эвакуированными шедеврами русского искусства неразрывно связаны представления о Русском музее, они составляли и сейчас составляют основу его экспозиций.

И сейчас, спустя много лет, можно только удивляться тому, что в такой короткий срок были свернуты музейные экспозиции, а многие тысячи наиболее ценных произведений («первая категория») подготовлены к эвакуации.

Каждый из нескольких сотен ящиков, хранивших экспонаты, имел свой порядковый номер и шифр соответствующего отдела. В каждом ящике находились описи упакованных в них произведений. Эти же описи, напечатанные в нескольких экземплярах, находились у главного хранителя, у хранителей соответствующих отделов и у лиц, сопровождающих груз. Эта сложная документация оформлялась под руководством М. В. Фармаковского.

Наконец, работы по подготовке вещей к эвакуации были закончены, прибыло военное подразделение для сопровождения драгоценного груза. Поздно вечером 30 июня я еще раз согласовал с диспетчером города время подачи машин.

Ранним утром 1 июля 1941 года началась перевозка экспонатов на железнодорожную станцию. Когда тронулась в путь первая груженная машина, многие не могли сдержать слез.словно близких, дорогих друзей провожали каждую картину, каждую скульптуру в далекий путь. Чувство глубокой боли, ненависти к гитлеровским захватчикам, развязавшим чудовищную войну, владело нашими сердцами.

Слаженно и организованно проходила перевозка ящиков с экспонатами. Каждую машину сопровождали научные сотрудники, они сдавали свой груз по описи, а принимающие сотрудники при погрузке в вагоны включали его в вагонные описи; таким образом, точный учет продолжался и здесь.

И вот перевозка закончена. Вагоны запломбированы. Ящики, в которых помещались огромные валы с картинами, установлены на железнодорожные платформы, укрыты брезентами и закреплены. Все готово к отправке. В отдельном вагоне разместились сопровождающие эшелон: представитель Комитета А. Г. Глина, вместе со мною заведующие отделами Ю. Н. Дмитриев,

А. Н. Савинов, Б. Н. Эмме, комендант музея В. А. Зайцев и военная охрана. Дежурные последней заняли свои посты у зенитных пулеметов. Наконец, эшелон тронулся. В пути в положенное время вскрыли пакет, в котором подтверждалось место назначения: город Горький.

Переезд прошел благополучно, хотя и не без дорожных волнений. Так, на одной из узловых станций наш эшелон был зажат с двух сторон воинскими составами. А тут еще — воздушная тревога. Нечего и говорить, как это взволновало нас. Ведь все мысли наши связаны с бесценным грузом. К счастью, тревога продолжалась недолго, и наш поезд двинулся вперед.

Встретили нас в Горьком вместе с представителями города наши сотрудники Л. Ф. Галич и П. Я. Козан, которые заранее были командированы музеем для подготовки к приему экспонатов.

Нас сразу же обеспечили рабочими для разгрузки ценностей, которая продолжалась несколько дней. Коллекции разместили в подсобных и хозяйственных помещениях Горьковского художественного музея.

Однако этих помещений для длительного хранения коллекций Русского музея было явно недостаточно. Скудность, невозможность в случае необходимости подойти к нужным для осмотра ящикам делали эти хранилища неудовлетворительными. Вопрос о расширении помещений для собрания Русского музея пришлось отложить на ближайшее время. Тем более что работникам, сопровождавшим груз, надлежало возвратиться в Ленинград для продолжения консервации музея. В Горьком временным хранителем эвакуированных грузов была оставлена старший научный сотрудник Л. Ф. Галич. В числе коллекций музея, прибывших в Горький, находились произведения древнерусского прикладного искусства, изделия из золота и драгоценных

камней (среди них особо ценные предметы из киевских кладов XII века: ожерелья, диадемы, эмали, змеевики-амулеты и другие). Эти вещи, посоветовавшись, мы передали на хранение в сейфы Горьковского отделения Госбанка.

Возвращаясь из Горького в Ленинград, на одной из станций, при пересадке, мы почувствовали, насколько за это время осложнилось положение на железной дороге: все графики были нарушены. В ожидании какого-нибудь поезда провели в пристанционном садике среди немногих попутчиков много томительных часов. Но нам посчастливилось: со случайным составом, идущим без пассажиров, добрались до Ленинграда.

III

В июле значительно поредели ряды работников музея, многие в это время выбыли: кто в армию и в ополчение, некоторые эвакуировались. Но работы по консервации музея продолжались по-прежнему напряженно. Кроме того, уже по нашей инициативе, готовилась к эвакуации вторая очередь. Несмотря на трудности, связанные с новым отбором вещей и подготовкой документации, работа шла слаженно. Научные сотрудники и реставраторы тщательно готовили экспонаты к эвакуации. Но главную сложность представляла упаковка. Музей к этому времени уже не располагал в нужном количестве досками, фанерой, упаковочными материалами, тем более выдержанными и сухими. Недостаток таких материалов остро ощущался в городе. Все приходилось доставать с большим трудом, и, естественно, это сказывалось на темпах работы.

Одновременно сотрудники выполняли общегражданские обязанности. Периодически и поочередно все без исключения участвовали совместно с другими жителями города в оборонных работах: копали окопы, противотанковые рвы, устанавливали надолбы на подступах к Ленинграду. В августе меня также послали на строительство оборонительных сооружений в районе станции Батецкой. Руководил группой (1000 человек) трудящихся Дзержинского района. Работали в любую погоду с полной отдачей сил. Фронт придвигался к Ленинграду, возникла угроза встречи работавших с приближавшимися фашистскими войсками. Посоветоваться уже было не с кем: местные районные организации, по-видимому, ушли в подполье или эвакуировались, и мы, руководители тех работавших на этом участке ленинградских районов, решили, не смешиваясь с отступающими ополченцами, уходить проселками. Нашли проводника. Шли ночью и днем. Держались все бодро и стойко.

Запомнилась неожиданная встреча с В. Н. Масленниковым, техником музея, который находился в ополчении. С ним мы столкнулись во время нашего перехода вблизи горящей после бомбежки станции Оредеж.

На второй день дислоцировались для работы на новом месте. И здесь меня разыскал нарочный — сотрудник музея Александр Иванович Кононов. Он доставил телеграмму из Москвы, полученную 18 августа, которая гласила: «Русский музей Балтун Немедленно выезжайте Горький переотправке вашего груза другое место назначения Росискусство Глина».

К этому же времени в музее закончили упаковку второй очереди, которую мы решили дополнительно эвакуировать, но отправка ее затруднялась из-за задержки с предоставлением вагонов. Местом назначения этого груза был город Пермь, куда была отправлена сотрудница музея Полина Яковлевна Козан для орга-

низации размещения эвакуированных ценностей. Последний срок отправления нашего эшелона назначался на начало двадцатых чисел августа, что мне и заместителю директора по научной части Георгию Ефимовичу Лебедеву было подтверждено в Смольном накануне моего отъезда в Горький. Для сопровождения эшелона музей выделил научных и технических сотрудников.

Полученное указание о вторичной эвакуации экспонатов из Горького явилось для нас полной неожиданностью, но оно было вполне закономерно. Вражеские полчища, несмотря на упорное сопротивление Красной Армии, рвались в глубь страны. Следовательно, надлежало позаботиться о дальнейшей сохранности экспонатов. Выезжать предлагалось немедленно, но в эти августовские дни уже не было пассажирского движения. Шли лишь одни эвакуационные эшелоны.

С одним из таких поездов, в котором эвакуировался коллектив Малого оперного театра, пришлось выбыть 21 августа 1941 года и нашей небольшой группе для вторичной эвакуации музейных грузов. Вместе со мной для переотправки их выехали заведующий отделом живописи А. Н. Савинов (ведь в эвакуации находилось основное собрание живописи), заведующая секцией рисунка Т. А. Дядьковская и технический сотрудник Шарафеддин Баязетович Мамлеев.

На Московский вокзал я шел по Невскому с небольшим чемоданчиком. Исходя из опыта первой поездки, рассчитывал на скорое возвращение в Ленинград. Возглавил оставшийся в Ленинграде коллектив Г. Е. Лебедев.

В эшелоне нам отвели место в одной из теплушек. На одном из перегонов мы увидели недавно разбитый горящий состав, а далеко в небе еще был виден уходящий вражеский бомбардировщик. Но наш переезд до

станции Рыбинск прошел благополучно. Здесь расстались со своими попутчиками из театра, пути разошлись: в Рыбинске мы пересели на пароход, следовавший в Горький, куда и прибыли через двое суток.

Тут нас уже с нетерпением поджидали. На причале стояла огромная баржа, в ней находились эвакуированные коллекции ряда художественных музеев Москвы (среди них были некоторые экспонаты Государственной Третьяковской галереи, Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, а также других музеев). Началась еще одна эвакуация коллекций Русского музея.

С большой признательностью мы вспоминали наших товарищей по работе, так заботливо и хорошо подготовивших эвакуацию ценностей в Ленинграде. Ящики были в хорошем состоянии, и у нас не было никаких сомнений в их благополучной доставке к новому месту назначения. После нескольких дней изнурительной работы (сказывался недостаток рабочих рук), при большой помощи сотрудников других музеев, сопровождавших свои грузы, мы успешно завершили погрузку.

В эти дни нас очень волновала судьба второй очереди экспонатов. Почему вдруг задержалась ее эвакуация, предусмотренная ленинградскими организациями в начале двадцатых чисел августа?

Телеграмма Г. Е. Лебедева, адресованная в Горький на имя заместителя председателя Комитета по делам искусств при СНК РСФСР А. Г. Глины, полученная 1 сентября 1941 года, ничего не объясняла. Вот ее текст: «Переотправке груза выехал Балтун вторая партия отправляется днями». Видимо, что-то складывалось с ее отправкой неблагоприятно. И эта неизвестность была крайне томительна.

Между тем ненастным сентябрьским вечером к нашему плавучему «хранилищу» подошел мощный буксир и повел его вверх по Каме к месту нового назначения — в Пермь. С грузом на барже следовали и хранители — сотрудники Русского и других музеев.

В тот же самый вечер уезжал в Москву из Горького представитель Комитета А. Г. Глина, а я ночью парходом выехал в Пермь, значительно опередив приход баржи.

В городе, только накануне войны ставшем областным центром, была большая перегрузка: шли эшелоны с оборудованием заводов, эвакуированных из разных мест страны, прибыл из Ленинграда Театр оперы и балета имени С. М. Кирова. Ощущалась острая нехватка помещений, производственных площадей, жилья. Меня встретила чрезвычайно расстроенная П. Я. Козан. Приняли ее далеко не радушно. На все доводы в местных органах Козан получала ответ, что грузы музея не могут быть приняты. Председатель Пермского облисполкома на соответствующем письме уполномоченного Комитета по делам искусств по Ленинграду написал: «Решения Совета по эвакуации нет — отклонить, принять некуда. П. Горюнов. 1/IX—1941 г.». Отказ был подтвержден и мне. Но, учитывая, что к Перми идет груз из Горького, мне предложили ознакомиться с помещением для его хранения в Соликамске.

Поставленный в такие условия, я выехал в этот старинный уральский город в сопровождении директора Пермской государственной художественной галереи Николая Николаевича Серебrenникова.

Под хранилище предназначался известный архитектурный памятник — Троицкий летний собор, построенный на рубеже XVII—XVIII веков. Это каменное здание, достаточно обширное, сухое, но не отапливаемое,

находилось в ведении местного краеведческого музея. Правда, в нем накануне войны намечали устроить отопление, но производство таких сложных работ в создавшихся условиях было явно невыполнимо, тем более что уже наступила осень, а грузы музеев находились в пути.

Конечно, при отсутствии иного выбора это помещение могло быть использовано как хранилище; опыт хранения вещей в неотапливаемых зданиях в зимних условиях в музейной практике имеется достаточно обширный. Примером тому служили хотя бы пригородные дворцы Ленинграда. Но в помещениях собора разместить все грузы не представлялось возможным. С этими мыслями я возвратился в Пермь и при встрече с руководством области доложил, что здание не удовлетворяет всем требованиям, и настаивал на предоставлении помещений в Перми, то есть зданий художественной галереи и краеведческого музея.

Тем временем 14 сентября подошла к пермским берегам наша баржа. Вместе с прибывшими на ней сотрудниками музеев и представителем Комитета по делам искусств при СНК РСФСР мы составили директивным органам города докладную записку с обстоятельной характеристикой ценностей музеев, эвакуированных в Пермь, и с нашими предложениями, где и как необходимо их разместить. После длительных многодневных переговоров и согласования с Комитетом по делам искусств было принято окончательное решение: грузы Русского музея и Третьяковской галереи сосредоточить в Пермской художественной галерее, а остальные — в Соликамском соборе.

Наконец, 28 сентября приступили к выгрузке наших ящиков. Доставка их в здание галереи, стоящее на высоком берегу Камы недалеко от места причала баржи, длилась более недели. Сказывались перебои с транс-

портом; город задыхался от всевозможных перевозок, свалившихся на него с первых дней войны, и машины для нашего груза выделял с трудом. Иногда перевозили ящики на гужевом транспорте. Не хватало также и рабочих для погрузочных работ. По мере сил переносили, передвигали ящики сами сопровождающие грузы сотрудники музеев. Среди нас ходила поговорка: «Искусство вынесли на своих плечах», и это было буквально так. Однажды огромный ящик, с трудом выгруженный из баржи на берег, не смогли погрузить на машину. Не хватало физических сил. И вот мраморную статую «Ивана Грозного» Антокольского, находящуюся в этом ящике, мы вынуждены были до утра оставить на берегу под охраной вооруженного сторожа. И только на следующий день ящик с этой скульптурой доставили на место. Этим эпизодом закончилась утомительная и трудная перевозка экспонатов Русского музея и Третьяковской галереи, потребовавшая величайшего напряжения физических и моральных сил нашего большого коллектива, а баржа продолжила свой путь вверх по Каме к Соликамску.

11 сентября получил телеграмму, которая для меня явилась полной неожиданностью. Привожу ее текст: «Правительственная. Облискусство для директора Русского музея Балтун Остаётся Перми руководству филиалом Русского музея Предлагаю личную ответственность принять все прибывшие барже железнодорожные грузы музеев тчк Обеспечьте пригодные помещения надлежащее хранение особенно охрану Комитет искусств Храпченко»¹.

Итак, о возвращении в Ленинград сейчас нечего было и думать. В Перми, в здании Художественной гале-

¹ Храпченко Михаил Борисович — академик, в то время председатель Комитета по делам искусств при СНК СССР.

реи, шла трудная работа по размещению коллекций Русского музея и Третьяковской галереи, которая осложнялась неожиданными препятствиями при доставке ящиков в галерею и размещении их в ее залах.

Ящики с живописью, по настоянию директора галереи Н. Н. Серебrenникова, мы вынуждены были поместить в алтарную часть помещения (галерея занимает бывший Кафедральный собор). Препираться нам было некогда. Необходимость форсировать затянувшуюся разгрузку баржи при наступивших осенних холодах и туманах заставила отложить на некоторое время решение вопроса о занятии пустующих залов уже закрытой для посетителей галереи. Имели место и другие осложнения, которые причиняли нам немало огорчений. Так, например, перевезенные с баржи большие валы с картинами можно было внести в здание только через боковой вход со стороны двора. И вдруг... от него пропали ключи. (Факт в музейной практике немыслимый.) Пришлось на ночь валы оставить на паперти. Заморозил дождь. Вдвоем с А. Н. Савиновым мы укрыли ящики брезентом. На следующий день встал вопрос о взломе дверных замков, но, к счастью, ключи нашлись; валы, освобожденные от ящиков, были внесены в помещение.

Подобные препятствия, подчас необъяснимые, преодолевались с трудом, и, наконец, под большим нажимом все необходимые для хранения ценностей залы, подсобные и другие помещения были заняты ящиками с произведениями Русского музея и Третьяковской галереи. При этом мы учли недостатки организации хранения в Горьком. Постепенно все грузы, строго систематизированные, разместили по роду хранимых в ящиках вещей и расставили отдельными группами с проходами между ними и с соответствующими топографическими указателями расположения ящиков.

Таким образом, была создана возможность доступа к каждому ящику в отдельности и вскрытия любого из них по мере надобности для контрольного осмотра. С первых же дней ввели круглосуточное дежурство сотрудников с расписанием систематических осмотров всех хранилищ. В специальном журнале ответственные дежурные отмечали все, что происходило за время их дежурства. Смена дежурных происходила после совместного обхода помещений и в точно установленное время. Этот порядок сохранялся до самой реэвакуации.

Естественно, что галерея, полностью занятая ящиками, стала закрытым хранилищем. Местное руководство и это поначалу восприняло болезненно: весь привычный ритм музейной деятельности был нарушен. Стало очевидным, что сотрудникам галереи предстояло изыскивать иные формы и для художественной пропаганды: устраивать на своих материалах выставки на предприятиях, в вузах, библиотеках и т. д. Не сразу они осознали историческую миссию, выпавшую на долю коллектива галереи, — участие его в сохранении огромных ценностей русской художественной культуры. Со временем эта благородная задача объединила в творческом содружестве гостей и хозяев.

Присутствие в Перми нашего коллектива оказалось полезным для научной, хранительской и выставочной деятельности сотрудников галереи. Помощь выражалась в самой различной форме: в реставрации отдельных памятников искусства, в консультации при проводимой галереей каталогизации своих коллекций, при изучении, определении и датировке произведений и т. д.

Сейчас, когда минуло столько лет, сотрудники галереи могут с гордостью вспомнить, что в годы войны она служила хранилищем драгоценного художественного достояния советского народа.

Почти до ледостава на Каме шла разгрузка и перевозка сотен ящиков с баржи к месту хранения — в Соликамский собор. Как и в Перми, это сопровождалось трудностями с транспортом и рабочей силой. Кроме всего, перевозка осложнилась и дальностью расстояния: от пристани до города было не менее пяти километров. Много внимания и большая бдительность требовались от сотрудников музея при транспортировке экспонатов. Каждая машина, как и положено, сопровождалась научным сотрудником, находилась под его «недреманным оком». Наконец, и здесь перевозку закончили благополучно, без всяких происшествий.

В Соликамске проводили аналогичную пермской работу по систематизации груза. Все ящики были расставлены по музеям и по роду хранимых в них материалов. Разумеется, размещение внутри хранилища потребовало длительного времени.

Таким образом, филиал Русского музея сложился из двух хранилищ, расположенных в нескольких сотнях километров друг от друга. Нечего и говорить, что такое большое расстояние причиняло нам массу трудностей в административном и организационном отношениях, осложняло личные контакты, столь необходимые для разрешения вопросов, связанных с хранением многочисленных экспонатов многих художественных музеев.

Помимо размещения всех этих ценностей, следовало обеспечить охрану хранилищ, а равно провести и многие другие мероприятия. Ведь филиал являлся самостоятельной организацией со своим штатом, сметой, бюджетом и т. п., подчиненной непосредственно Комитету по делам искусств при СНК РСФСР.

Соликамское отделение представляло собой хранилище, в котором находились большие и разнообраз-

ные по характеру ценности русского, советского и зарубежного искусства и архитектуры. О собранных здесь коллекциях можно до некоторой степени судить по названиям музеев, которым они принадлежат. Здесь находились сокровища Государственного музея восточных культур, Государственного театрального музея имени А. А. Бахрушина, Государственного музея архитектуры, Загорского художественного музея-заповедника, Государственного музея керамики из Кускова, Музея А. С. Голубкиной, Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина; собрание произведений советских художников, принадлежащее Дирекции выставок и панорам (в его составе были произведения И. И. Бродского, перед войной полученные из разных музеев и организаций и показанные на выставках в Москве и Ленинграде), а также выставка произведений М. Ю. Лермонтова. К этому перечню музеев следует добавить Краснодарский художественный музей, экспонаты которого прибыли в октябре 1942 года. Они были вывезены из Краснодара директором музея А. К. Осиповой и старшим научным сотрудником М. П. Богоявленским перед самым захватом города фашистами. Кроме того, летом 1942 года ожидалось поступление экспонатов Сталинградского художественного музея, но они погибли в пути.

Определился и состав сотрудников филиала Русского музея, административным центром которого стало пермское хранилище.

В Перми находились директор филиала П. К. Балтун, научные сотрудники А. Н. Савинов и Т. А. Дядьковская, технический сотрудник Ш. Б. Мамлеев (все — из Русского музея), научный сотрудник М. М. Колпакчи и реставратор И. В. Овчинников (из Третьяковской галереи).

В Соликамске работали заместитель директора филиала И. Н. Птицын (директор Загорского музея-заповедника), научные сотрудники О. А. Панкова-Постникова (заместитель директора по научной части Музея керамики), П. Я. Козан (заведующая научно-вспомогательным отделом Русского музея), А. К. Осипова и М. П. Богоявленский из Краснодарского музея.

Прибывшие в Пермь и Соликамск хранители с грузами своих музеев, ставшие членами нового коллектива, — это не только опытные специалисты, но и большие энтузиасты своего дела, преданные и бескорыстные музейные работники. Мария Модестовна Колпакчи — искусствовед и прекрасный хранитель, принципиальный и требовательный к себе и другим человек. Иван Васильевич Овчинников — реставратор древнерусской живописи, крупный специалист, скромный и крайне обязательный. Ольга Александровна Панкова-Постникова и Иван Николаевич Птицын — не только знающие свое дело специалисты, но и люди, страстно увлеченные работой. Такими же теплыми словами хочется вспомнить Александру Ксенофонтовну Осипову и Михаила Петровича Богоявленского. Оперативность, преданность и любовь к музейному делу — вот черты их характера. О представителях Русского музея уже было сказано ранее.

Коллектив сотрудников нашего филиала на Урале сразу же благодаря общности интересов и профессий сближился и стал сплоченным в новых условиях жизни и труда. Конечно, единство и строгая дисциплина определялись сознанием большой ответственности за сохранность доверенных нам ценностей, хранителями которых мы стали.

Тот же распорядок охраны, как и в Перми, мы установили и в Соликамске. Четко расписанные дежурства, обходы. Журналы с записями о выполненной работе.

Контрольные вскрытия отдельных ящиков с экспонатами Русского музея показали полное благополучие. Дважды произведенная перевозка экспонатов, так беспокоившая нас, прошла успешно. Кроме отдельных мелких повреждений самих ящиков, иных дефектов не было. Но в каком состоянии находятся уникальные изделия древнерусского искусства из драгоценных металлов, сданные на хранение в Госбанк в Горьком? Эта мысль неотвязно меня преследовала. Для выяснения выехал в Горький. Здесь сообщили, что все фонды горьковского Госбанка эвакуированы в Пермь. По возвращении выяснилось, что они переправлены в одно из государственных хранилищ далее на восток. Через соответствующие организации связались с этим хранилищем. Все оказалось в порядке. Наши ценности находились в полной сохранности. Получаем подтверждение, что они будут храниться до того времени, пока музей не потребует их возвращения. (Все эти реликвии были доставлены музеем в Ленинград в 1945 году.)

Наступила первая эвакуационная зима. Суровые уральские морозы принесли новые заботы.

В Пермской галерее старое амосовское отопление требовало постоянного внимания. Следовало поддерживать хотя бы минимальную температуру, обеспечивающую нужную влажность воздуха в помещениях хранилища. Вместе с сотрудниками галереи и наш небольшой коллектив занимался пилой дров, подноской их к печам. Особенно много пришлось дежурить у печей в ночные часы Ш. Б. Мамлееву. И это делалось наряду с постоянной работой по систематизации хранилища, осмотру ящиков, контрольным вскрытиям их и проверке состояния вещей. Скрупулезная работа занимала много времени и требовала очень внимательного и бережного обращения с экспонатами. Каждое вскрытие сопровождалось составлением акта, в котором указывалось время

контрольного осмотра, давалось подробное описание состояния просматриваемых вещей. Один из экземпляров акта укладывался в ящик перед его упаковкой. Такая же работа выполнялась и в соликамском отделении, но в несколько иных условиях, так как все помещения хранилища, кроме «дежурки», не отапливались, и поэтому производить переупаковку вещей приходилось коченеющими от холода руками.

И так, день за днем, в кропотливой повседневной работе проходило время. Многих из нас суровая зима застала неподготовленными. Выехали в командировку без теплых вещей. Плохо было и с питанием. В результате некоторые из нас еще и переболели. Жили в Перми в служебных помещениях музея, которые предоставили нам наши коллеги. Эти помещения одновременно являлись и нашими рабочими кабинетами. Здесь обсуждали текущие дела, готовились к лекциям, оформляли документацию, составляли акты и т. д. Трудно перечислить всю эту подчас мелкую, незаметную, но так необходимую в нашей практике работу. Ведь все, что ни делалось, было связано с сохранением величайших памятников русской культуры. Между тем сотрудники нашего филиала, и пермского и соликамского, влились в общее русло общественной жизни. В учреждениях и прежде всего в эвакогоспиталях они читали лекции о международной политике СССР и проводили беседы по различным вопросам искусства. Встречи с воинами Красной Армии всегда оставляли волнующее чувство близости и духовного контакта с людьми, которые с оружием в руках защищали независимость Родины и национальную культуру советского народа.

Вскоре из нашего небольшого коллектива ушел в ряды Красной Армии Птицын. Его уход был ощутим. Преданный делу, знающий и безотказный, он всегда находился там, где требовалось его присутствие. До-

бродушие и умение поддержать хорошее состояние духа у своих коллег по соликамскому отделению в их трудной повседневной жизни высоко всеми ценились.

В одном из писем из армии он со свойственной ему искренностью вспоминал о пережитых волнениях и тревогах за сохранность доверенных нашему коллективу ценностей, а в другом, вспоминая работу в Перми и Соликамске, писал: «Все-таки мы много сделали и большой государственной важности дело. Будем живы, все эти сокровища возвратим на старые места. История не забудет, а грядущее поколение тем более, о нас». И далее он продолжал: «Надеюсь, как кончится война, принять участие в реэвакуации государственных ценностей, теперь уже путь знаком».

И не надо быть современником тех военных лет, чтобы почувствовать глубокий смысл этих строк, написанных нашим товарищем, отдавшим свою жизнь в битве за Сталинград.

V

Прошло много времени, наступил октябрь, а ожидаемой второй партией груза Русского музея все еще не было. Неизвестность нас бесконечно волновала. На многочисленные запросы, наконец, 30 сентября пришла телеграмма от Г. Е. Лебедева, которая гласила: «Вторая очередь задержана объективным причинам вывоз ее проблематичен». Телеграмма была дана 24 сентября. Стало ясно, что груз остался в Ленинграде, а не пострадал в пути, где он мог бы подвергнуться налетам вражеской авиации. И осознание этого уже в какой-то мере утешало.

тивная эвакуация населения. Организованно и слаженно через Ладогу на грузовых и других судах перевозили детей, женщин и престарелых граждан на восточный берег озера, а здесь их уже ждали железнодорожные составы, которые быстро заполнялись эвакуируемыми. Эшелоны один за другим уходили на восток. По всему пути следования эшелонов находились продовольственные пункты, обеспечивающие ленинградцев горячей пищей.

После длительного переезда мы приехали в Пермь.

VII

С приближением холодов перед филиалом в Перми и Соликамске встали заботы: подготовка к зиме, заготовка дров и т. д.

За это время коллектив филиала, помимо Б. Н. Эмме и С. Г. Лобус, пополнился научными сотрудниками Русского музея Маргаритой Николаевной Каменской и Константином Евтихиевичем Костенко, находившимися в эвакуации.

Комитет по делам искусств при СНК РСФСР назначил Б. Н. Эмме заместителем директора филиала (он возглавил соликамское отделение). Его приезд значительно облегчил работу соликамцев. Располагая значительным опытом, Эмме много сделал для обеспечения дальнейшей сохранности эвакуированных ценностей. В частности, особого внимания требовали экспонаты Музея керамики. Спешная их эвакуация сказалась на сохранности вещей. Под руководством Б. Н. Эмме и при его участии была произведена полная переупаковка всего груза этого музея. В условиях Соликамска, при остром дефиците пиломатериалов, гвоздей и прочих

упаковочных мелочей, он проявил большую настойчивость и находчивость, чтобы выполнить эту работу. Хрупкий фарфор, начиная от небольших статуэток до огромных ваз, был размещен и упакован в заново изготовленные ящики. Думается, что работники музеев, произведения которых хранились в Соликамске, могут теплым словом вспомнить тех товарищей, которые сберегли в период эвакуации доверенные им ценности.

Несмотря на все трудности, связанные с эвакуацией, коллектив филиала сразу принял активное участие в общественной жизни Перми и Соликамска.

Исключительный интерес вызвала в Соликамске организованная летом 1942 года большая выставка произведений графики на темы из истории ВКП(б). На ней было показано 140 произведений 84 художников. Среди представленных авторов были: С. С. Боим, А. П. Бубнов, П. В. Васильев, Т. Г. Гапоненко, А. М. Герасимов, В. П. Ефанов, А. А. Кокорекин, Н. М. Кочергин, Кукрыниксы, Д. Е. Кутателадзе, Е. Е. Лансере, Г. Г. Нисский, И. Н. Павлов, А. А. Пластов, Б. И. Пророков, Ф. П. Решетников, А. Н. Самохвалов, М. С. Сарьян, П. Н. Староносков, Д. А. Шмаринов и другие.

Огромным успехом пользовалась в Перми устроенная в январе 1943 года выставка «Образ Ленина в изобразительном искусстве», состоявшая в основном из произведений И. И. Бродского.

Выставочная и лекционная работа сближала наш коллектив с общественностью Соликамска и Перми. Лекции научного сотрудника А. Н. Савинова всегда собирали большую аудиторию слушателей.

Надо сказать, что наша деятельность вошла в общее русло того благотворного влияния на культурную жизнь Перми, которое оказали Государственный театр оперы и балета имени С. М. Кирова, присутствие в городе мно-

гих писателей и художников Москвы и Ленинграда. С ними у нас сложился постоянный живой контакт. Так, к примеру: в связи с постановкой оперы «Емельян Пугачев» композитора М. В. Коваля, осуществленной 7 июля 1942 года в Перми Кировским театром, наш филиал ознакомил постановщиков с рядом произведений XVIII века, чем была оказана творческая помощь известному художнику Федору Федоровичу Федоровскому, оформлявшему спектакль. Художники — москвичи и ленинградцы — наряду с местными художниками много работали над сатирическими «Окнами ТАСС». В Перми в эти годы находились москвичи — З. М. Виленский, Б. В. Иогансон, П. И. Львов (портрет Ю. Н. Тынянова, выполненный им с натуры, поступил в филиал Русского музея), В. Г. Одинцов, Г. Г. Ряжский, И. Г. Фрих-Хар, М. М. Черемных; ленинградцы — Н. И. Альтман (им был написан пермский пейзаж, приобретенный филиалом Русского музея), Ю. А. Васнецов, работавший здесь над иллюстрациями для русских сказок, В. А. Оболенский, В. М. Орешников, написавший ряд портретов, в том числе и портрет народной артистки СССР Г. Улановой, находящийся ныне в экспозиции Русского музея.

Большим событием в Перми стала организованная филиалом выставка произведений ленинградских художников, созданных в 1941—1942 годах. С этими работами мне довелось познакомиться еще в Ленинграде, а затем и в Москве. Художники, как и все ленинградцы, принимали участие в обороне города: многие с оружием в руках, иные в строительстве оборонительных сооружений на подступах к Ленинграду. Но везде силой своего творческого оружия — кистью и резцом — они сплачивали в едином патриотическом порыве ленинградцев на борьбу с фашистскими захватчиками. Создавали они свои произведения в холодных мастерских коченеющих

ми руками, обессиленные от голода; они работали на фронте и в партизанских отрядах в тылу врага. Их произведения оставляли незабываемое впечатление. Летом 1942 года они были выставлены в залах Ленинградского отделения Союза художников. Продолжавшаяся с середины июня до 8 сентября, эта выставка получила широкий общественный резонанс.

8 сентября 1942 года она была свернута, и экспонаты «дугласом» отправлены в Москву. 4 октября выставка открылась в залах Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Консультанты и руководители выставки — известный ленинградский художник Николай Иванович Дормидонтов и искусствовед Анна Марковна Земцова — рассказывали о том огромном интересе, который вызвали произведения ленинградских художников, созданные в осажденном городе. Длинной вереницей тянулась очередь москвичей и приезжих в музей — необычное зрелище для того времени.

С глубоким волнением смотрели посетители выставки на работы, в которых просто и правдиво, без всяких прикрас и ложного пафоса раскрывались подлинные картины повседневной боевой и трудовой жизни ленинградцев. Большая искренность, высокое патриотическое звучание и гражданственность произведений ленинградских художников получили высокую оценку Советского правительства: выставка была полностью приобретена и передана Русскому музею.

Огромное внимание, которое проявили уральцы к Ленинграду, к его героическим защитникам, привело нас, работников музея, к мысли показать эти произведения трудящимся Перми, невзирая на трудности с их доставкой и подысканием помещения, несмотря на перегруженность кропотливой повседневной работой. Наше предложение было горячо поддержано партийными и советскими организациями города.

Весной 1943 года мы доставили выставку из Москвы, а 22 июня в заново отделанных залах (ремонт вели немецкие военнопленные) Пермского краеведческого музея в торжественной обстановке выставку, названную «Ленинград в дни блокады», открыли для обозрения. Это событие было широко освещено в печати, по радио; несмотря на сложность с изданием, вышел подготовленный нами небольшой каталог со вступительной статьей А. Н. Савинова.

Подолгу простаивали многочисленные посетители перед полотнами Я. С. Николаева, В. В. Пакулина, Н. Х. Рутковского, В. А. Серова, И. А. Серебряного; листами графики Е. Д. Белухи, Н. И. Дормидонтова, Н. А. Павлова, А. Ф. Пахомова, Г. П. Фитингофа; скульптурами В. В. Исаевой, В. В. Лишева, В. Б. Пинчука и многими произведениями других художников. Несмотря на все лишения, подтачивавшие физические силы, художники-патриоты, движимые чувством долга, донесли до зрителя героизм защитников Ленинграда. Выставка, устроенная в далеком тылу, пользовалась несомненным вниманием, она глубоко волновала каждого советского человека. Сотни людей посещали ее ежедневно. Отзывы и отклики о ней звучали как призывы к еще большему сплочению советского народа в борьбе с фашистскими захватчиками, к дальнейшим трудовым подвигам уральцев, ковавших оружие для победы над врагом.

С большим удовлетворением мы встретили предложение перевести выставку в Горький, где при первой эвакуации нам был оказан самый теплый прием.

Для сопровождения экспонатов хранителями, а также консультантами и экскурсоводами направили сотрудника Русского музея Станислава Марковича Земцова и московского искусствоведа Веру Робертовну Герценберг. Эти товарищи много поработали на выставке в

Перми. Наряду с основным научным составом филиала Русского музея они провели немало экскурсий, бесед и консультаций.

Упакованные в ящики экспонаты в конце сентября отправили пароходом в Горький. Трогало внимание простых советских людей, окруживших заботой наш груз. Вот что писала в связи с этим Герценберг: «Погрузили наш груз после множества мытарств, так как пароход до верхней палубы завален бумагой... на рулонах, на ящиках с бумагой вповалку лежит народ — фронтовики, колхозники, ребята; котомки, бидоны. А наши ящики целомудренно чисты и красуются этаким неприкосновенным островком среди этого Дантова ада нижней палубы. Во-первых, сразу удалось создать вокруг наших ящиков нечто вроде актива болельщиков из самих же пассажиров... Кроме того, мы несем и днем и ночью по очереди с Земцовым дежурство. Каждые полчаса обходы, а на пристанях при посадке и высадке пассажиров стоим возле ящиков неотлучно».

Общественность Горького отнеслась к выставке доброжелательно. Она была открыта 7 октября и продолжалась до 25 декабря 1943 года. Высоко оценивалось мастерство ленинградских художников. В многочисленных отзывах посетители отдавали дань мужеству и стойкости советских людей и художникам, запечатлевшим в своих работах их героизм.

Значительным событием в художественной жизни Перми была организованная нашим филиалом с 18 июня по 9 июля 1944 года выставка произведений выдающегося русского художника М. В. Неестерова. Ежедневно через залы Краеведческого музея, где располагалась выставка, проходили многочисленные зрители.

Широко и торжественно в Перми отмечали 100-летие со дня рождения И. Е. Репина. Самое активное участие

в организации празднования принимали сотрудники филиала Русского музея. На предприятиях, в госпиталях проводились беседы и доклады, читались лекции о творчестве великого русского художника. В Государственном театре оперы и балета в торжественной обстановке прошло общегородское юбилейное собрание, на котором научный сотрудник Русского музея А. Н. Савинов выступил с обширным докладом.

Кроме того, несмотря на многие трудности, мы в том же Краеведческом музее открыли большую выставку произведений Репина. На ней экспонировалась 51 картина (около 200 его работ — живопись, акварели и рисунки из коллекций Русского музея — находились в эвакуации). Среди них автопортрет художника, портреты Н. И. Пирогова, В. В. Стасова, В. И. Репиной (дочери художника), В. Д. Спасовича; эскиз к картине «Заседание Государственного совета» и этюды к ней (портреты П. П. Семенова-Тян-Шанского, А. П. Игнатьева, К. П. Победоносцева и др.). В числе показанных картин были и знаменитые «Бурлаки на Волге». Большие полотна, накатанные на валы («Запорожцы» и другие), мы показать по причинам хранительским и техническим, естественно, не имели возможности.

Не обошлось и без курьеза: некоторые посетители не верили, что на выставке представлены подлинные произведения художника, и даже уверяли, что «Бурлаки» в Русском музее иные — таким невероятным казалось увидеть в годы войны картины Репина, да еще так далеко от музея и Ленинграда.

Выставка, длившаяся с 6 августа по 3 сентября, пользовалась неослабевающим успехом у зрителей.

В заключение надо сказать, что выставки, организованные филиалом Русского музея в Перми, создали атмосферу подлинного праздника русского искусства. Трудящиеся Перми не только впервые увидели в своем

городе уникальные произведения, но и явились свидетелями того, что национальные богатства русской культуры находятся в полной сохранности.

И не случайно исполком Пермского городского Совета депутатов трудящихся в своем решении от 27 сентября 1945 года отметил большую серьезную работу, сделанную небольшим коллективом Русского музея, обеспечившим сохранность ценностей, эвакуированных на Урал, и одновременно принимавшим активное участие в культурно-художественной жизни города, и наградил сотрудников музея почетными грамотами. Хотелось бы добрым словом вспомнить председателя Пермского горисполкома А. К. Шарца и ответственного секретаря исполкома Л. И. Римскую, оказывавших нам постоянное содействие и помощь в работе. Более того, Александр Кузьмич, будучи инициатором многих культурно-просветительных мероприятий в городе, широко использовал опыт и знания находившихся в Перми деятелей культуры и искусства, артистов Театра оперы и балета имени С. М. Кирова, а также сотрудников нашего филиала.

VIII

Между тем в Ленинграде в Русском музее, оставшемся на консервации, продолжалась трудовая жизнь. Плотны закрыты ворота чугунной ограды, увенчанной золочеными острями пик. За нею в полном безмолвии возвышается величественное главное здание. Великолепный его портик с восемью колоннами по-прежнему восхищает глаз своими гармоничными пропорциями, несмотря на следы разрушений, причиненных вражескими обстрелами.

А там, в глубине здания, за обманчивой внешней тишиной продолжалась повседневная кропотливая научно-хранительская и исследовательская работа. И, пожалуй, слово «консервация» не совсем точно определяло жизнь музея, насыщенную незаметной, но чрезвычайно сосредоточенной деятельностью его сотрудников. Чувство огромной ответственности за сохранение ценностей держало в напряжении физические и моральные силы каждого.

Работники музея, как и все ленинградцы, чувствовали постоянную неразрывную связь со всей страной. Живой постоянный контакт установился между сотрудниками музея в Ленинграде и Перми, и это во многом облегчало общий труд. 15 июня 1943 года Г. Е. Лебедев писал: «В двадцатых числах этого месяца направляю к тебе и Борису Николаевичу тт. Преснова, Дмитриева и Алексееву...» Прибыли они вскоре после этого письма и находились у нас до 10 августа. За это время товарищи познакомились с деятельностью филиала, а от них мы обстоятельно узнали об их жизни и работе в Ленинграде.

Добрые традиции совместной работы сотрудников музея и ленинградских художников, сложившиеся еще в довоенные годы, нашли свое выражение и во время Отечественной войны. В 1944 году, впервые за годы войны, двери Русского музея распахнулись для посетителей. В нескольких приведенных в порядок залах 2 июля открылась выставка произведений художников Ленинградского фронта, организованная Политическим управлением фронта и Управлением по делам искусств исполкома Ленгорсовета. На ней экспонировались произведения 70 ленинградских живописцев, графиков и скульпторов, находившихся в рядах Красной Армии: Н. Л. Бабасюка, А. С. Бантикова, М. А. Гордона, М. Р. Габбе, Е. П. Ефимова, К. Л. Иогансена, Д. А. Ка-

пицы, Н. Т. Куликова, П. И. Луганского, Ю. М. Непринцева, Г. А. Савинова, И. К. Скоробогатова, Н. Е. Тимкова, А. И. Харшака, Г. Л. Чепца, А. Н. Яр-Кравченко, П. Д. Ярымбаша и многих других.

Широко отмечалось также в Ленинграде 100-летие со дня рождения И. Е. Репина. Торжественное заседание в музее было посвящено его творчеству. На ряде предприятий, а также в воинских частях и госпиталях читались лекции и доклады о творческом пути Репина. В залах музея с 5 августа по 5 сентября 1944 года продолжалась выставка его произведений (как принадлежащих музею, так и из частных собраний), которую посетили свыше 15 тысяч человек.

Позднее, с 24 сентября по 26 ноября, в тех же залах была открыта выставка пяти ленинградских художников — В. М. Конашевича, В. В. Пакулина, А. Ф. Пахомова, К. И. Рудакова и А. А. Стрекавина, вызвавшая глубокий интерес ленинградцев.

В сентябре, будучи в командировке в Москве, я получил возможность еще раз ненадолго приехать в Ленинград, где мы поделились соображениями о предстоящем восстановлении музея. Ведь успехи Советской Армии на фронтах Великой Отечественной войны приближали время реэвакуации художественных ценностей. И такой долгожданный день наступил. В октябре 1944 года филиал получил приказ о возвращении коллекций московских музеев, эвакуированных на Урал. Таким образом, подлежало реэвакуации все, что хранилось в Соликамске, а также коллекции Третьяковской галереи из Перми. Для руководства этой работой приехал заместитель председателя Комитета по делам искусств при СНК РСФСР А. Г. Глина.

У всех нас, работников филиала, началась хлопотливая пора. Прежде всего следовало организовать по точному графику подачу грузовиков для транспорти-

ровки грузов на железнодорожные станции и рабочую силу для погрузочных работ. Нашему небольшому коллективу надлежало обеспечить четкость и слаженность всех мероприятий, учет и охрану коллекций при перевозке и погрузке их в вагоны. Все машины с грузом сопровождали сотрудники филиала. Несмотря на затруднения, в какой-то мере неизбежные, все шло организовано и без тех сложностей, которые мы встретили при прибытии этих грузов в Пермь в 1941 году. Наш радостный труд был, однако, омрачен несчастным случаем с А. Г. Глиной, получившим серьезную травму при транспортировке груза в Соликамске, которая вывела его из строя в самом начале реэвакуации.

Наконец, погрузка была закончена, и к составу, прибывшему с грузом музеев из Соликамска на станцию Пермь-II, прицепили вагоны с ценностями Третьяковской галереи. Эшелон, возглавляемый Б. Н. Эмме, сопровождаемый сотрудниками московских музеев М. М. Колпакчи, И. В. Овчинниковым, О. А. Панковой-Постниковой и военной охраной, выбыл в Москву. Одновременно в Краснодар был отправлен вагон с экспонатами Краснодарского художественного музея. С этим вагоном выехали директор музея А. К. Осипова и научный сотрудник М. П. Богоявленский.

После длительного пути эшелон прибыл в Москву. По этому поводу в своем письме от 25 ноября 1944 года Б. Н. Эмме сообщал: «22-го я благополучно прибыл в Москву и сдал груз. Разгрузка в Москве была чрезвычайно тяжелой и сложной, так как наш приезд был одновременным с возвращением новосибирского груза. Однако все обошлось благополучно, только устал за 15 суток пребывания в теплушке».

Итак, ценности художественных музеев, находившихся в Соликамске, и вещи Третьяковской галереи из Перми возвращены по принадлежности. Соликамское

хранилище перестало существовать, а в Перми оставались на хранении только ценности Государственного Русского музея.

Оставшийся коллектив филиала в Перми деятельно готовился к зиме 1944—1945 годов, продолжал свою хранительскую и культурно-просветительную работу. Срок возвращения в Ленинград экспонатов Русского музея еще не был решен. Реэвакуация их по многим причинам задерживалась. И самая существенная из них заключалась в необходимости еще в далеко не благоприятных условиях обеспечить пригодные помещения для этих сокровищ в зданиях Русского музея. Шел к концу 1944 год, и нас, сотрудников музея, занимала одна мысль — его восстановление. Война еще продолжалась, и каким образом в таких условиях можно было бы организовать сложные капитальные работы в дворцовом здании, оставалось еще неясным.

Б. Н. Эмме после передачи фондов московских музеев выехал в Ленинград. Сразу же по приезде он писал о необходимости моего скорейшего приезда в Ленинград для организации восстановления музея.

Та же озабоченность прозвучала и в письме, полученном вскоре от Г. Е. Лебедева. В нем он 9 декабря 1944 года обращался с тем же предложением: «Дорогой Петр Казимирович, постарайся выехать в Ленинград как можно скорее. Дел много, и дела не ждут. Надеюсь, что ты будешь в середине декабря».

Слов нет, я и сам стремился к тому же, что называется, всей душой. Тем более после реэвакуации московских музеев объем работы по филиалу резко сократился. Состояние наших коллекций было вполне благополучным, необходимый режим хранения в зиму 1944—1945 годов обеспечен. Все наши грузы подготовлены к возможной реэвакуации. Предстояло только пересмотреть ящики с вещами прикладного искусства, но это,

как было условлено с Эмме, сделает он сам по возвращении в Пермь.

Поэтому, на мой взгляд, мое присутствие в Ленинграде сейчас казалось более целесообразным. Но только в марте 1945 года после долгих настояний я получил приказ о выезде в Ленинград. Передав дела по филиалу Эмме, вернувшемуся в Пермь, быстро собрался и выехал в родной город. Трудно передать чувства, владевшие мною. Заканчивался сложный и трудный этап в жизни нашего коллектива. Сохранили — это уже можно было сказать — уникальные памятники русского искусства в далеко не благоприятных условиях эвакуации. И вот теперь, возвращаясь в Ленинград совсем, а не в очередную поездку, задумываюсь о предстоящей работе по восстановлению музея.

Вспоминаются поездки в Ленинград, когда наряду с текущими заботами мы мечтали о восстановлении музея и открытии его экспозиций и даже конкретно обсуждали такую перспективу.

Возникла в памяти поездка в Ленинград в январе 1944 года. Ехал я из Москвы в приподнятом настроении, моим попутчиком оказался Валентин Иванович Курдов, известный ленинградский график. Вагон с его блистательной чистотой, накрахмаленным бельем, сопровождаемый внимательными, спокойными проводниками, — ничто не напоминало, что поезд идет по недавно освобожденной земле и еще в ближайшем вражеском соседстве. И только когда под Ленинградом во всем составе, несмотря на хорошую светомаскировку, полностью выключили свет и поезд, замедлив движение, как бы ощупью в темноте проходил опасное место, только это говорило о непосредственной близости фронта. Но напряженность продолжалась недолго, хотя и казалась бесконечной.

По приезде в Ленинград мы стали свидетелями успешного наступления на Ленинградском фронте. Наступило долгожданное время, когда фашистские полчища под могучим натиском советских войск дрогнули и покатились назад. 27 января 1944 года ленинградское небо озарилось вспышками залпов из 324 орудий и расцвелись огнями салюта. Это был незабываемый для всех вечер. Мы с Курдовым прошли на Пушкинскую площадь на стрелке Васильевского острова. Здесь, казалось, собрался весь город: взрослые и дети. Ленинградцы праздновали свое освобождение. Огни победного салюта озаряли радостные лица. Эта картина народного ликования ярко запечатлена в автолитографии народного художника СССР А. Ф. Пахомова «Салют».

Утром этого же дня в музее проходило заседание Ученого совета, на котором, докладывая о состоянии эвакуированных экспонатов и их готовности к реэвакуации, я поделился соображениями о подготовке к восстановительным работам в музее. Уже после моего отъезда в феврале, а затем и в декабре на музейных заседаниях ставился тот же вопрос о ремонте зданий, косметической отделке залов для восстановления экспозиций в объеме довоенного времени. Однако реального воплощения в жизнь эти решения в то время не имели: трудности, связанные с организацией каких-либо работ, оставались еще непреодолимыми.

IX

И вот сейчас по приезде вновь обхожу залы дворца. По-прежнему в них пасмурно и мрачно. Великолепный вестибюль оставляет тяжелое впечатление: почерневшие росписи плафона, часть холстов с написанными на них

градские организации. В городе и его пригородах значительно пострадали или были разрушены за годы войны замечательные архитектурные памятники. Естественно, встал вопрос об их восстановлении. В 1945 году Ленсовет принял решение о создании специальных Научно-реставрационных мастерских, к организации которых приложили много усилий Н. В. Баранов, главный архитектор Ленинграда, и начальник инспекции по охране памятников Ленинграда Н. Н. Белехов. Пригласили крупных специалистов — архитекторов, художников, реставраторов. Начальником мастерских был назначен художник-архитектор Леонид Михайлович Анолик. Первым заказчиком только что возникших мастерских стал Русский музей.

Уместно сейчас с признательностью вспомнить поддержку всех мероприятий, связанных с восстановлением зданий музея, со стороны Николая Николаевича Белехова и особенно Николая Варфоломеевича Баранова, человека широкого кругозора, градостроителя по призванию. Он очень внимательно прислушивался к нашим просьбам и во многом оказал прямую, действенную помощь.

Реставрация дворцовых интерьеров требовала куда больше времени, чем предполагавшийся ранее косметический ремонт. Это вызвало необходимость пересмотра экспозиционных планов. Поэтому приняли решение начать реставрационные работы сначала в залах первого этажа, где они были проще, чем во втором, а по окончании их в этих залах подготовить экспозицию реалистического искусства XIX века и открыть ее для посетителей в первую годовщину Великой Победы — 9 мая 1946 года.

В то же время реставрация будет продолжаться на втором этаже и в парадном вестибюле (арка, зашитая фанерой, отделит его от парадной лестницы, ведущей

на второй этаж). Согласно этому плану начали работу художники и реставраторы.

Незаметно наступила осень, а вместе с ней — время реэвакуации наших коллекций с Урала. Эшелон с ценностями музея, сопровождаемый нашими сотрудниками и военной охраной, 14 октября 1945 года прибыл в Ленинград. С эшелоном после нескольких лет эвакуации вернулись Б. Н. Эмме, А. Н. Савинов, Т. А. Дядьковская, К. Е. Костенко, М. Н. Каменская, С. Г. Лобус и Ш. Б. Мамлеев. Нечего и говорить, каким радостным для всего коллектива стало это событие.

В 1944—1945 годах возвращались также научные сотрудники, находившиеся в эвакуации во время войны: Любовь Федоровна Галич, Ольга Александровна Спицына, Ольга Васильевна Волкова, Юлия Андреевна Лебедева, Тамара Николаевна Кречетова, Полина Соколоновна Мельцер, реставраторы Нина Александровна Шапошникова, Вера Васильевна Гушина. Вернулись из армии научные сотрудники Всеволод Николаевич Петров, Николай Николаевич Новоуспенский, Наталья Васильевна Петошина, Владимир Степанович Бойков, реставратор Михаил Николаевич Марков, техник Владимир Николаевич Масленников. Вернулись из эвакуации и армии другие сотрудники музея — Антонина Семеновна Мишукова, Павел Иванович Викторов, Александр Иванович Кононов, Михаил Михайлович Сизов. Это все люди, давно связанные с музеем, много лет проработавшие в нем и преданные своему делу. Пришли в музей впервые и демобилизованные воины — Вениамин Иванович Бахов, техник по отоплению, Василий Миронович Сергеенко, электрик, которые стали энтузиастами своего дела.

И все же вопрос о кадрах являлся одним из основных в послевоенной деятельности музея. Война унесла так много жизней.